

Кто такой этот Эйбель? Внебрачный сыночек старого Гари, ничтожный муравей, вечно мельтешивший перед глазами Адриана и не способный поднять даже малейшую бурю. Неужели в глазах Адриана его партнер по делу выглядел столь жалко?

Юэ Цзэ молча разжал пальцы и медленно убрал руки с шеи мужчины. Влажная пелена сошла с его глаз, уступив место холодной, пронзительной ясности. Он посмотрел на Адриана так, словно видел его впервые в жизни.

— Я так любил вас, — неверяще, с глубокой обидой в голосе произнес он. — Никогда ничего не скрывал. Неужели, господин, вы не можете подарить мне и капли доверия?

Адриан ничего не ответил. Он лишь молча похлопал юношу по голове и ушел в кабину пилота.

Но Юэ Цзэ словно ужалили. Он резко вскочил и проскользнул в кабину за долю секунды до того, как автоматическая дверь отрезала его от Адриана. Схватив мужчину за запястья, он уставился на него с отчаянием и немим укором.

— Почему, господин? — упрямо выдохнул он. — Скажите мне, почему?

Адриан, не меняясь в лице, принялся методично разжимать его пальцы. Но стоило ему убрать руки юноши, как тот упрямо вцепился в него снова. Он буквально повис на мужчине — так, словно от этой хватки зависело, получит ли он ответы.

Поняв, что стряхнуть Юэ Цзэ не удастся, Адриан просто перестал обращать на него внимание. Сев в пилотское кресло, он безучастно уставился на проносящийся за лобовым стеклом изумрудный пейзаж.

Дикие джунгли Мьянмы оставались одним из немногих уголков на Земле, где еще можно было дышать чистым воздухом. Не будь здесь запредельного уровня преступности и процветающего черного рынка, эти места легко превратились бы в цветущий курорт.

Юэ Цзэ проследил за его взглядом, но увидел лишь стремительно уходящие назад кроны вековых деревьев. В галактике хватало покрытых лесами планет, поэтому буйство земной природы его не впечатлило. В чертах юноши сквозили лишь жгучая обида и ревность — словно эти безликие заросли бесстыдно обкрадывали его, отвлекая внимание хозяина.

— Ты любишь меня? — тихо спросил Адриан, краем глаза заметив эту смесь досады и глухой злобы на лице юноши. — И что же ты понимаешь под любовью?

Юэ Цзэ отвел хмурый взгляд от окна и посмотрел на Адриана. Голос его дрожал от подступающих слез, но звучал гораздо тверже, чем прежде:

— Любовь — это то, что я чувствую к вам.

— Вот как? — Адриан наконец повернулся к нему. Свободной рукой он лениво потрепал юношу за щеку и насмешливо фыркнул. — Ты ведь отлично знал, что я тебе не верю. Точно так же, как я всегда знал, что за душой у тебя ничего нет. Признайся, когда ты ластился ко мне во время течки, ты ведь видел во мне лишь удобный живой фаллоимитатор? Не надоело строить из себя невинность?

Мужчина скользнул пальцами выше, мягко коснувшись прикрытых, мелко подрагивающих век Юэ Цзэ.

— Всё-таки ты до чертиков похож на кота. Находишься в самом низу, полностью в моей власти, а всё равно ведешь себя так, будто ты здесь хозяин.

Маска обиженного ребенка мгновенно слетела с лица Юэ Цзэ. Он прямо посмотрел в глаза партнеру. Золотисто-карие кошачьи зрачки медленно округлились и потемнели, возвращая ему обычный человеческий облик. Взгляд стал глубоким, спокойным и совершенно нечитаемым.

В голове Юэ Цзэ испуганно зазвенел электронный голосок Системы:

"Хо-хозяин, что нам делать? Как он догадался?.. Он же нас теперь не прибьет?"

"Успокойся и слушай, что он говорит, — мысленно осадил ее Юэ Цзэ. — Он блефует. Знает далеко не всё, так что у нас еще есть шанс выкрутиться".

— Так вот ты какой на самом деле, — задумчиво протянул Адриан, вглядываясь в его лицо. — В нашу первую встречу твои глаза были черными, а потом вдруг посветлели до янтарного. Что, решил, будто с мягким карим взглядом легче изображать собачью преданность?

— Вовсе нет, — безжизненным, ровным тоном ответил Юэ Цзэ. В его голосе не осталось ни капли эмоций, словно они выгорели дотла. — Просто этот оттенок лучше подходит к моему тону кожи.

Помолчав немного, он глубоко вздохнул и разжал пальцы, окончательно отстраняясь.

— Я не стану отрицать: поначалу я действительно намеревался использовать вас, чтобы навсегда скрыться от Института.

На лице Адриана промелькнуло сухое торжество — безмолвное «я так и знал». Но внутри него в этот момент вздымался яростный шторм. Мужчина с трудом сдерживал гнев, грозивший вырваться наружу тяжелой, удушающей аурой. Читать мысли он не умел; его недавняя обличительная речь лишь наполовину строилась на замеченных промахах «котенка», остальное было чистой проверкой. И теперь, когда подозрения подтвердились, правда ударила по его самолюбию. Мысль о том, что вся нежность этого существа была искусной ложью, оказалась куда невыносимее, чем если бы тот оказался обычным заговорщиком.

Заметив легкую судорогу на лице Адриана, Юэ Цзэ едва заметно усмехнулся. Не давая мужчине взорваться, он быстро прижал ладонь к своей груди и горячо заговорил:

— Да и кто в здравом уме полюбит того, кто при первой встрече даже за человека тебя не считает? Но ведь здесь, в груди, у меня не камень! Неужели вы настолько не уверены в себе, господин? Неужели вы всерьез думали, что я не мог влюбиться в вас со временем? Да, я заглядывал вам в рот, я лез из кожи вон, чтобы понравиться вам!

Хладнокровие изменило Юэ Цзэ. Его голос задрожал, и слезы, крупные и чистые, градом покатались по щекам.

— Пусть вы до сих пор видите во мне лишь комнатную игрушку, пусть за вашей показной нежностью всегда стоят расчет и подозрительность — я все равно пытался! Старался быть послушнее, милее, глупо надеясь, что когда-нибудь вы посмотрите на меня как на человека. Что полюбите меня хоть на самую малость!

Юэ Цзэ сорвался на отчаянный крик. В порыве ярости он выпустил острые когти и вонзил их в кожаную обивку пилотского кресла прямо за головой Адриана. С диким остервенением он полоснул по сиденью, вырывая наружу клочья поролона.

— Какой же ты ублюдок, Адриан! Почему я не должен был притворяться пай-мальчиком? Почему не должен был казаться беззащитным? Да ты же сам ведешься только на это, у меня просто не было другого выбора! Или мне нужно было сразу выложить тебе всю правду?! Сказать: «Эй, Адриан, блять, прекрати обращаться со мной как с домашней зверушкой и полюби меня так же сильно, как я люблю тебя! Только попробуй жениться на какой-нибудь сучке — я тебе лицо в кровь изорву! А если вздумаешь выбросить на улицу — я утащу тебя за собой на тот свет!» Ну и как? Стал бы ты терпеть такое от своего комнатного любимца?!

Адриан, привыкший смотреть на всех с высоты своего положения и никогда в жизни не слышавший в свой адрес даже резкого слова, впервые получил такую яростную отповедь от собственного «питомца». Но, вопреки ожиданиям, на душе у него стало на удивление легко. Недавняя глухая злость бесследно испарилась, уступив место странному, почти веселому удовлетворению.

Этот котенок... нет, Юэ Цзэ предстал перед ним в совершенно новом свете. Мужчина никогда не видел его таким: колючим, дерзким, с полыхающим во взгляде чувством, готовым сжечь их обоих дотла. Бешеная, собственническая ревность делала юношу невероятно притягательным. Сейчас он напоминал яркую, мечущую искры вспышку, излучавшую манящую и опасную энергию, которой хотелось подчиниться без остатка.

Если прежде этот зверек казался нежной, невинной незабудкой, то теперь перед Адрианом раскрылся алый дикий мак — опасный и ядовитый, вызывающий мгновенное привыкание.

В кабине повисла оглушительная тишина. Они молча смотрели друг на друга, пока Система лихорадочно сканировала эмоциональный фон Адриана своими передовыми алгоритмами

анализа чувств.

"Кажется... гроза миновала?" — наконец неуверенно подала она голос.

"Еще бы, — мысленно усмехнулся Юэ Цзэ, торжествуя победу. — Шах и мат".

Однако внешне он сохранял маску глубокого, выстраданного отчаяния. Юноша отвел взгляд, его напряженные, точно у взъерошенного бойцового петушка, плечи поникли. Словно лишившись всех сил, он медленно опустился на пол кабины и глухо произнес, махнув рукой:

— Да и плевать. Всё равно вы никогда меня не полюбите. Подозревайте в чем хотите, мне уже безразлично.

Адриан слегка подался вперед, инстинктивно желая помочь ему подняться, но вовремя спохватился и замер. Он заставил себя напустить холодность:

— Не тебе решать, какие люди мне нравятся.

Кое-как справившись со странным, непривычным волнением в груди, он решительно отвернулся к приборной панели. В душе его теплилась лишь одна слабая надежда — чтобы сегодняшний день прошел без лишних сюрпризов.

"А этот Адриан на удивление зажатый тип, когда дело касается чувств", — с облегчением заметила Система.

"Рано радуешься, — Юэ Цзэ не разделял ее оптимизма. — Он действительно начал что-то чувствовать ко мне".

"А разве это плохо?" — удивилась Система.

Юэ Цзэ лишь тяжело вздохнул про себя, оставив этот вопрос без ответа.

Леса Мьянмы были не столь обширны, однако летательный аппарат явно двигался не по прямой. Прошло уже порядочно времени, а они всё еще кружили над зеленым океаном джунглей.

Юэ Цзэ нахмурился, собираясь спросить в чем дело, но в этот момент у Адриана резко зазвонил коммуникатор.

Адриан принял вызов, молча выслушал доклад и медленно опустил руку с устройством. Повернувшись к Юэ Цзэ, он спросил ледяным тоном:

— К нам приближается группа летательных аппаратов. Как ты передал им наши координаты? Использовал тот ключ, что дала тебе Чэн Шими?

Юэ Цзэ демонстративно закатил глаза.

— Да откуда мне-то знать?

Адриан не стал настаивать на ответе. Он просто перевел машину в режим зависания. Буквально через минуту из-за горизонта вынырнули около пятидесяти боевых машин, которые быстро взяли его корабль в плотное защитное кольцо, после чего вся кавалькада начала плавно снижаться, укрываясь под густыми кронами деревьев.

Вскоре показались и преследователи — вражеские машины той же модели, что устроили засаду несколько дней назад. Они шли на перехват веером, пытаясь окружить цель, но их было от силы десятка два. Против превосходящих сил Адриана, укрывшихся в лесу, эта группировка выглядела просто смехотворно.

Стоило врагам подойти на дистанцию выстрела, как эскорт Адриана резко взмыл вверх. Небо мгновенно озарилось перекрестным огнем — обе стороны начали яростную дуэль. Имея абсолютное численное преимущество, защитники Адриана за пару минут подмяли инициативу под себя. В любой нормальной ситуации, угодив в такую ловушку, противник поспешил бы отступить, но эти пилоты словно лишились инстинкта самосохранения. Они упорно летели напролом, не считаясь с потерями.

Будучи обладателем генома элитного класса А+, Адриан всегда предпочитал находиться на передовой. Но сегодня, когда его отношения с «котенком» запутались вконец, он впервые в жизни предпочел остаться в стороне. Под прикрытием подчиненных его летательный аппарат бесшумно опустился на заросшую поляну в глубине джунглей, скрывшись от хаоса сражения.

Воспользовавшись передышкой, Система тщательно просканировала тот самый ключ, который Адриан отобрал у Юэ Цзэ. Результаты оказались далеки от их худших предположений: это был самый заурядный сплав. Небольшой паз в нем предназначался лишь для капсулы с газом-галлюциногеном. Никаким Камнем первозданной энергии здесь и не пахло.

Юэ Цзэ крепко задумался.

"Если дело не в ключе, то как враги вышли на них? Неужели кто-то из близкого окружения Адриана ухитрился прикрепить к обшивке жучок? Но Адриан параноик, он никого постороннего к своей машине не подпустит. Неужели... Таши предал его?"

Система запаниковала пуще прежнего:

"Хозяин, что же делать? Тебя же подставили! Какая гнусная, бесстыдная ложь! Но если

отбросить Камень первозданной энергии, какие еще технологии слежения способны обойти сканеры нашего летательного аппарата?"

Юэ Цзэ лихорадочно сопоставлял факты, но Адриан не оставил ему времени на размышления. Едва шасси коснулись земли, мужчина рванул юношу на себя, грубо усадив к себе на колени. Его широкая, сильная ладонь жестко сомкнулась на бледной шее Юэ Цзэ, перекрывая кислород. Лицо Адриана при этом оставалось пугающе бесстрастным.

— Мне плевать на твои высокие чувства, — ледяным тоном произнес он. — Отвечай: как ты ухитрился передать координаты?

Хватка мужчины была мертвой, а хрупкое тело гибрида — слишком чувствительным к боли. Горло сдавило так, что Юэ Цзэ едва не потерял сознание, воздух перестал поступать в легкие. Первым инстинктивным порывом было выпустить когти и располосовать Адриану лицо, но он вовремя подавил это желание. Вместо этого он полностью обмяк, безвольно повиснув в чужих руках. Его лицо выражало абсолютное смирение с неизбежным — беззвучное «души меня, если хочешь, мне больше не для чего жить». И в этот самый миг по его бледной щеке бесшумно покатилась одинокая, полная отчаяния слеза.

<http://bllate.org/book/18336/1815215>